

ПРЕДИСЛОВИЕ

Увеличилась ли заболеваемость венерическими болезнями в связи с империалистической войной и ее последствиями или нет—с точки зрения охраны населения от этих заболеваний, по моему мнению, не имеет большого значения, ибо даже довоенные цифры настолько велики и последствия этих заболеваний настолько ужасны, что они являются настоящим общественным бедствием, борьба с которым должна вестись самым энергичным образом в общегосударственном масштабе. В искоренении их карательные средства играют наименьшую роль; наибольшее значение имеют меры экономического и социального характера и ознакомление широких масс с сущностью этих заболеваний, главным образом со способами предупреждения их. Одной из лучших форм популяризации медицинских знаний, легко воспринимающейся широкими кругами, является повествовательная форма.

Не считая себя достаточно компетентным, чтобы судить о литературных достоинствах книги Л. С. Фридланда, я воздерживаюсь от суждения о ней с этой стороны, но с удовлетворением констатирую, что с научно-медицинской точки зрения все изложенные в ней клинические данные и этнологические моменты соответствуют действительности. Видно, что автор широко использовал свой многолетний врачебный опыт. Мне кажется, что этой книге следует пожелать самого широкого распространения среди неврачебной читающей публики.

Проф. Б. Н. Хольцов.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ЭТО не книга для поучений, не дневник. И, конечно, не ученый труд, не медицинский трактат.

Множество людей проходило и проходит мимо меня. Я вижу их, выслушиваю, говорю с ними у себя дома, в кабинете, в амбулатории больницы. Иногда кое-кто из них раскрывает предо мною свою самую сокровенную тайну. В этих случаях вместе с платьем как бы сбрасывается ненужная шелуха, вся эта манерность, нарочитость, все наносное. Остается человеческий стержень с его страданиями, опасениями, обидами.

В повседневной жизни Сидоров или Иванов безнадежно машет рукой: „Что это за жизнь, пустая жизнь, ни к чему она!“ Но вот Сидоров или Иванов заболел. И тогда все становится иначе. Мир ощущается так, словно существование Сидорова или Иванова для вселенной дороже жизни величайшего поэта или ученого.

Каждый больной — это кусок огромной жизни. Жизни не вообще, а в тот момент, когда грянула катастрофа, когда гложет нестерпимая тоска, когда хочется умереть, когда яд в крови, когда нет как будто исхода.

Но вот пострадавший излечен. Все ли кончилось тогда? Это еще проблема. Нередко болезнь не исчезает бесследно. Конечно, не у всех и не всегда. Но очень часто. Ученые полагают, что в какой-либо предстательной железе или лимфатическом аппарате навсегда остаются кое-какие дефекты. И это неустранимо. Невропатолог стукнет молоточком спустя несколько лет после выздоровления человека и отыщет какую-нибудь неврастению.

Конечно, все это, может быть, тонкости, детали. В жизни мы большей частью наблюдаем широкие мазки, яркие линии.

Впрочем, кто что видит.

Я рассказываю то, что видел я.

*

Это было на генеральной репетиции „Дальнего звона“. Театр был полон избранных зрителей. Вход был по приглашению.

Среди многих сотен людей, которых вместила тогда Мариинка, не было видно ни одного нездорового лица, ни одного усталого взгляда.

В антрактах все эти люди ходили, говорили, улыбались, оживленно спорили. Словно они все были чему-то ужасно рады.

Да и почему бы, собственно, им не радоваться?

Одни из них имели славу, другие были красивы, третьи — умны, четвертые — богаты, пятые — имели власть. Те — жажда жизни. Эти — любовь.

Мой спутник сказал, указывая на толпу:

— Вероятно, все эти люди живут интересно и красиво. Посмотрите, как они здоровы и беззаботны!

— Вы ошибаетесь, — возразил я. — Это они выглядят так сейчас, вечером, здесь. Завтра же, с утра, они разбегутся по городу, по кабинетам врачей, в частности, врачей-специалистов, и будут сидеть там в креслах и лежать на столах. Конечно, не все, но очень многие. Я думаю, большинство. И мы, врачи, армия в несколько тысяч человек, будем промывать, прижигать, перевязывать, присыпать, чистить язвы у них на теле, удалять гной, выделения, тампоны, чтобы к вечеру они снова могли казаться здоровыми и цветущими. Только казаться.

Если бы какой-нибудь Эдиссон изобрел пластинку, которая позволила бы запечатлеть минуту жизни целого города, вы увидели бы, что дело обстоит именно так.

Мой спутник в испуге отодвинулся от меня.

— Но это неправдоподобно! Вы преувеличиваете. Вы сейчас просто раздражены.

— Нисколько! Я совершенно спокоен. И я думаю, что я глубоко прав, особенно в отношении венерических бо-

лезней. Не забудьте, что я говорю о жителях города, о тех слоях, представители которых находятся здесь. Это очень важное соображение.

— Я скажу вам больше. Посмотрите кругом. Вы видите беспечные, довольные, улыбающиеся лица. Но если бы многим из них, из тех, кто, в сущности, здоров, мы открыли глаза на ущерб, который они наносят близким, дорогим им людям, они пришли бы в смятение. Потому что на деле они творят, хотя и не ведая того, большое зло.

— Не удивляйтесь моим словам. В них нет ничего загадочного. Видите ли, почти все знают, что такое венерические болезни, что такое, скажем, сифилис или триппер. Но о том, как иногда эти болезни отражаются на человеческих отношениях, знают очень немногие. Знать же это не бесполезно и порой даже необходимо...

— Недавно один ученый выпустил книгу о „Биологической трагедии женщины“. Это—исследование о половом созревании, менструациях, зачатии, беременности, климатерии и т. п.

— Но есть еще одно свойство строения женского организма. О нем мало кто осведомлен. А между тем оно нередко вносит в существование людей тяжелые осложнения. Оно составляет то, что можно назвать „анатомической трагедией“ женщины.

Мой собеседник был не только наивен, но и любопытен. И я рассказал ему ряд фактов из повседневной жизни, обрисовав их так, как они происходят за закрытой дверью кабинета врача-венеролога.

ИСКАЖЕННЫЕ СХЕМЫ

ТО, что я сейчас расскажу, тоже имеет, между прочим, некоторое отношение к театру, правда, довольно отдаленное.

Однажды ко мне в амбулаторию явился на прием очень красивый юноша. У него были большие, светлые глаза и румяные щеки. Крупный нос, прямой и точеный, и резко очерченный подбородок свидетельствовали об его аристократическом происхождении. Революция уничтожила носителей голубой крови. Но это был, повидимому, один из последних могикан.

У него была восхитительная фигура. И неспроста. Он был учеником балетной школы.

Юношу беспокоили пятна на теле. Он вытянул руки и указал мне на несколько розовых точек у локтевого сгиба. Пятна не зудили и не болели, но они были ему очень неприятны, так как профессиональные занятия требовали обнаженных рук.

Я попросил его раздеться.

— Но зачем, доктор?—возразил он. — У меня ведь больше ничего нет.

Я настоял.

Он нехотя стал расстегиваться. Делал он это застенчиво, видимо смущаясь меня.

У него были упругие мускулы. Линии рук, плеч, спины и живота были безупречны. Его тело было воплощением мужской силы и молодости, еще не достигших расцвета.

Я тотчас же увидел сыпь на его груди и животе. Быстрым движением я спустил его брюки и провел рукой по паховым складкам.

Он густо покраснел, повторив недовольным тоном:

— Доктор, у меня же там ничего нет. Меня беспокоят только руки.

Под пальцами я нащупал вздутия, походившие на крупные бусы. Это были пакеты зараженных желез. Сомневаться в том, что юноша был болен сифилисом, не приходилось.

Должно быть я не сумел скрыть выражения тревоги. Глаза молодого человека были устремлены на меня и неотступно следили за мной.

Ему было шестнадцать лет. С самого начала жизненного пути ему предстояло владеть груз более тяжелый, чем свинец и камень.

Пусть это с врачебной точки зрения не так. Пусть это такая же болезнь, как и всякая другая, как экзема, малярия, болезнь, которая вполне поддается излечению, если она вовремя обнаружена. Наконец она не позор, а несчастье. Но это знаем мы, врачи. Для широких же масс сифилис—пугало. Это то, хуже чего не бывает. Это—провалившиеся носы, язвы, от которых нет спасенья, разъеденные челюсти, щеки, ноги, губы.

Я долго мыл руки, обдумывая, как ослабить удар.

Одно обстоятельство несколько смущало меня. Я размышлял о нем, пока струйки воды медленно стекали с пальцев моих рук. Это то, что я не обнаружил признаков склероза.

Сейчас я объясню, в чем дело.

Железы у юноши были всюду увеличены: и у локтя, и под мышками, и на шее. Везде я их ясно ощупывал. Это показывало, что процесс успел генерализоваться. Яд проник всюду. Сыпь доказывала то же самое. Но железы не везде были одинаковой величины. Это очень важный признак. Где железы крупнее всего, там и находятся „ворота инфекции“.

Это обстоятельство имеет иногда решающее значение, особенно при судебно-медицинской экспертизе в делах об изнасиловании. По этому признаку, когда других нет или они неясны, мы различаем половое и внеполовое заражение. Если женщина утверждает, что она стала жертвой насилия, а самые крупные железы врачи-эксперты

находят, например, на шее, то они дают заключение в пользу обвиняемого.

В случае с учеником балетной школы железы резче всего обозначались на пахах. Это указывало, во-первых, что заражение было половое, и, во-вторых, что микроб проник в организм где-то здесь.

Место проникновения яда представляет собой небольшую язвочку, сидящую на очень плотном и своеобразном основании. Тот, кто ощупывал пальцами это почти хрящевое образование, всегда сумеет отличить данное ощущение от сотни других.

Это и есть склероз.

Язвочка может исчезнуть, закрыться, зажить. Но след склероза, доступный глазу или пальцу, обычно исчезает не скоро, если больной не лечится.

У моего пациента я не нашел никакого следа склероза. Это была загадка, над которой я размышлял у умывальника.

После того, как я вытер руки, я достал книгу для записи больных и стал заносить в нее сведения о пациенте. Как бы вскользь, я спросил его:

— Вы имеете дело с женщинами?

— Нет,—лаконично ответил он.

— Я вас прошу быть со мной откровенным, сказал я.—Я задаю вам этот вопрос не из любопытства; речь идет о вашем здоровье. Дело не в пятнах и гораздо серьезнее, чем вы думаете. Говорите же правду.

Юноша в упор смотрел на меня.

— Я никогда не имел дела с женщинами,—повторил он.

Его голос внушал доверие. Но ведь и факты не лгали. В чем же дело?

Я попробовал подойти к нему другим путем. Я спросил, живет ли он один или в семье, любят ли его родные.

— Вы слышали о венерических болезнях? Не болели ли вы ими раньше?

— Да, слышал,—живо ответил он,—но у меня их никогда не было. Да и откуда взялись бы они у меня.

Я сделал вид, что поверил ему. Захлопнув книгу, я встал.

— Между прочим,—сказал я,—не было ли у вас недавно язвочки где-либо на теле,—в нижней части живота, на губах, на языке?

Юноша уклончиво покачал головой:

— Не было.

Я начал выходить из себя. Не могло же быть так, как он говорил! И к чему эта явная несуразная ложь.

Вдруг мне пришла в голову одна мысль. Это была совсем неожиданная, нечаянная мысль. Я сам не знаю, почему я остановился на ней. Может быть тому была причиной его стыдливость, которая показалась мне очень странной.

Но, как бы то ни было, я не хотел оттолкнуть сообщение, которое могло привести к разгадке. Я знал, что, как врач, я всецело несу ответственность за свои слова. И я хотел полной ясности. Ведь я выносил приговор на многие годы, на всю жизнь, быть может.

— Разденьтесь,—сказал я,—я должен вас снова осмотреть.

На этот раз он не сопротивлялся. Очевидно он уже был встревожен моими расспросами.

Я повернул его к себе спиной и заставил нагнуться. Спина, отсвечивавшая желтовато-розовым перламутром, упруго натянулась. И тотчас же в глубине, между ягодичными буграми, у самого анального отверстия, я увидел пятнышко. Оно было величиной с кнопочную шляпку и пигментировано. Я ощупал его пальцами. Оно было твердо, как хрящ.

Это было то, чего я искал. Это был инфильтрат, то ничтожное скопление клеток, которое едва можно было разглядеть.

Это был склероз.

* * *

Но как он мог туда попасть?

Теперь я скажу вам, мой друг, о моей неожиданной мысли.

Я вспомнил театральные нравы. Правда, уже отживающие нравы.

И, как видите, я не ошибся. Этот мальчик начал опыт любви с любви педераста.

Одно мгновение, меньшее, чем мгновение молнии, осветило мне то, что называется душой и телом человека. Брезгливость, темная, почти инстинктивная, смешалась во мне с жалостью.

Я назвал юноше болезнь.

Он вздрогнул, издав какой-то странный звук, внезапно оборвавшийся. И замер на месте.

Я говорил долго. Это была лекция, смысл которой заключался в том, что ничего ужасного тут нет, что это болезнь, от которой надо лечиться. Это случается и с другими, и все вылечиваются. Надо только выполнять все указания врача, и тогда болезнь будет побеждена.

Юноша стоял, опустив голову и потупив взор. Я не знал, о чем он думал, но он несомненно думал не о том, что я ему внушал.

Он что-то прошептал.

— Ну, получайте первый укол,—деловито сказал я, обжигая на спиртовке иглу.

Молодой человек повернулся с видом сомнамбулы.

После укола он застегнулся.

— Значит можно вылечиться?—спросил он негромко, уже стоя у двери.

— Конечно!—я похлопал его по плечу.—Я вам гарантирую исцеление. Между прочим,—добавил я,—так как вы живете в семье вашей сестры, попросите ее зайти ко мне вместе с вами в следующий раз.

* * *

Вас может быть удивляет, почему я вспомнил театральные нравы?

Очень просто. Среди артистов однополая любовь широко распространена. По крайней мере, так было еще недавно.

Известно, что однополая связь широко распространена в тюрьмах и среди матросов. Понятно почему. Ограничение физиологической нормы ведет к извращениям.

Но отчего в театральной среде мы встречаемся с тем же самым явлением, с таким огромным числом адептов гомосексуализма? Ведь не есть же, в самом деле, артистичность одно из свойств гомосексуализма!

Напрашивается такое объяснение: извращение от пресыщения. Нервы требуют остроты ощущений. С этой точки зрения педерастия считалась проявлением дурной воли; и во многих государствах уголовный кодекс отводил этим преступлениям против нравственности особый ряд статей.

Современная наука не совсем согласна с этим взглядом. Вернее, она совсем с ним не согласна.

Гомосексуалистом, оказывается, может быть не каждый. Конечно, можно воспитать и привить какие угодно вкусы. Но в огромном подавляющем большинстве случаев гомосексуалистом надо родиться, как поэтом или как сиамскими близнецами. И за тяготение к образу и подобию пола своего карать отнюдь не следует, как нельзя карать человека за то, что он родился блондином, а не шатеном.

Медицина и физиология открыли нам тайну гомосексуализма.

Теперь в моде учение о внутренней секреции. Вероятно, многие слышали о железах, гормонах, корреляции. Учение о секреции есть, так сказать, учение об интимных лабораториях организма.

Но что такое организм?

Это есть соотношение частей. Это есть не только туловище и конечности, различные ткани, жидкая и полужидкая среда, органы, клетки и прочее. Это есть, кроме того, и связь. Гармония частей, включая сюда и гармонию психики,—это основа нормального организма.

Когда растет организм, все его ткани, вплоть до самых микроскопических разветвлений, обычно развиваются пропорционально.

Кто из нас не задавался вопросом, кто не задумывался над этой чудесной тайной строения! Отчего у нас правая и левая рука, например, одинаковы и соответствуют во всякий момент жизни длине и объему головы, ног, туловищу? Кто следит за этой соразмерностью с точностью часового механизма и с совершенно непогрешимой бдительностью?

Теперь мы знаем, что об этом заботятся железы внутренней секреции. Я назову вам некоторые из них. Щитовидная железа на шее, зубная, надпочечники, парати-